

К.С. Жуков

ПЕТЕРБУРГ И ИМПЕРИЯ: ПОПЫТКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ

Главным смыслом строительства Санкт-Петербурга было сделать его столицей Российской империи. Имперская идея на протяжении долгого времени была основной составляющей менталитета петербуржцев. Должна ли нынешняя петербургская идентичность опираться на некоторые элементы имперского сознания, которые внешне соответствуют современным демократическим ценностям? Может ли современная петербургская идея апеллировать к имперскому прошлому нашего города? Осмыслению этих проблем посвящено эссе петербургского учителя и журналиста К. Жукова. Автор приходит к отрицательным ответам на эти вопросы, а альтернативные имперским исторические ориентиры предлагает искать в допетровском прошлом Невского края, принадлежавшего некогда Великому Новгороду, а позднее — шведскому королевству. В эти периоды на территории будущего Петербурга существовали многочисленные поселения, для жителей которых была характерна бюргерская модель культуры, сходная с той, которая существовала в средневековых западноевропейских городах.

Чем дальше отодвигается от нас во времени недавнее празднование 300-летия основания Петропавловской крепости, тем отчетливее видно, сколь глубоко петербургским по своей сути было это мероприятие. Отсутствие со стороны организаторов празднеств малейшей заботы об удобстве горожан и опустевшие на время торжеств улицы — можно ли было в этом городе ожидать чего-то другого? Конечно, нет. И не ждали. Ни власти, ни подданные — сиречь, электорат — не испытали разочарования. Все было так, как и должно было быть...

Поневоле вспоминалось подобное же действо, происходившее некогда на том же самом месте. В сентябре 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира состоялся в Санкт-Петербурге многодневный маскарад. Его возглавлял сам царь, наряженный голландским матросом и подававший сигналы барабаном. В первый же день, в самый разгар веселья царю захотелось соснуть часок-другой; всем гостям было приказано оставаться на своих местах и «ждать царёва возвращенья». Тысяча человек в карнавальных одеяниях слонялась по Троицкой площади, не смея отлучиться и не зная, чем себя занять. Когда монарх отдохнул, празднество к его удовольствию было продолжено.

Маскарад этот был одним из нескольких десятков мероприятий, отмечавших окончание Северной войны. В их числе было и еще одно, особенно знаменательное: 22 октября в

Троицком соборе, после праздничной литургии, чтения текста Ништадтского договора и соответствующей случаю проповеди, царю Петру Алексеевичу от имени Сената и всех подданных его величества было поднесено прошение о принятии им на себя титулов Императора всероссийского, Отца Отечества и Великого. Соболаговолит принять. Россия официально стала Империей.

«Он был рожден имперской стать столицей...»

«Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же) подлинно принадлежит Российской Империи», — так начинает свой роман о Петербурге Андрей Белый. «Он был рожден имперской стать столицей», — вторит другой поэт, Наум Коржавин. В трудах многих уважаемых историков (напр. В.В. Мавродина или А.В. Предтеченского) можно прочитать, что решение разместить столицу своей страны на берегах Невы было принято Петром I чуть ли не в тот самый момент, когда он впервые здесь оказался. В реальности, несомненно, это произошло значительно позднее и было внутренне связано как раз с переходом России в новое, имперское, качество.

Столица страны — это ее символ. Такой же, как герб, или, скажем, в более позднее время — гимн. Столица некоторым образом выражает сущность всей державы, является частью, заменяющей целое. Не случайно до появления Петербурга эта страна называлась нередко Московией, а ее жители — москвитями. Но сущность, которую выражает столица, может подаваться в разной модальности: может в действительной — тогда она апеллирует к уже существующему, случившемуся, прошлому; такой столицей в России всегда являлась и является Москва. Петербург воплощал сущность страны в модальности желательной, он служил образцом того, какой Россия должна стать, представлял собой программу преобразования старомосковского царства — в современную империю.

Петровская имперская идеология стала идеологией этого города, именно к ней генетически восходит то, что принято называть «петербургским менталитетом». Что ж, стоит к ней присмотреться повнимательнее. Тем более, что очень многое в петровском «имперском проекте» не может не вызывать симпатии.

За что мы любим империю?

Так, петровская империя должна была стать европейски ориентированным государством, приобщиться к числу, как тогда говорилось, «политичных народов». В своем исследовании идеологии петровского времени Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский показали, что официальный титул императора «отчетливо указывал на римскую традицию и одновременно свидетельствовал о разрыве с русскими титулами» (Лотман, Успенский 1993: 201). Слово «царь» в Древней Руси обозначало правителя, стоящего выше князя, и в этом значении оно применялось в первую очередь к ханам Золотой Орды, от которых в качестве титула и перешло «по наследству» к Ивану III и его потомкам. Несмотря на то, что этимологически это слово восходит к имени Гая Юлия Цезаря, то есть фактически к тому же источнику, что и слово «император», в контексте петровской эпохи эти слова, как пишут Лотман и Успенский, «воспринимались не как синонимы, а в качестве своего рода антонимов» (Там же 202–203). Таким образом, принятие Петром I титула императора в значительной мере призвано было продемонстрировать принадлежность России к европейской культурной традиции.

Культурная ориентация на Европу неизбежно влекла за собой разрушение характерного для Московской Руси изоляционизма и категорического недоверия к чужеземцам и иноверцам. Еще в начале царствования Петра патриарх Иоаким наставлял сидящих на троне: «...да никакоже они, государи, попустят кому христианом православным в своей державе с

еретики, иноверцами, с Латины, Лютеры, Калвины, безбожными Татары общения в содружестве творити, но яко врагов Божиих и ругателей церковных, тех удалятися». А уже в 1702 г. царский манифест о вызове иностранцев в Россию декларировал: «Мы, при данной нам силе от Всевышаго, принуждения над совести человеческими себе не восприемлем и охотно соизволяем, да каждый христианин на собственный свой ответ о попечении спасения своего трудится, тако мы будем накрепко то повелевати, дабы по прежнему обыкновению никто в вышепомянутом своем как явственном, так и приватном отправлении веры препятія не имел, но при том отправлении от всякого беспокоивания оборонен и притом содержан был». Таким образом, имперская идеология петровского времени включала в себя — хотя и в усеченном виде — такие важнейшие для современного либерализма этические принципы, как свобода совести и национальное равноправие.

Помимо внешнеполитической открытости, другим источником этнической и конфессиональной толерантности в имперской идеологии являлось представление о том, что империя — это обязательно большое многонациональное государство, объединяющее под благодетельной властью Отца Отечества «детей разных народов».

Петербург тогда — как, впрочем, и в последующие минимум два столетия, — безусловно, мог считаться образцом мирного и дружелюбного сосуществования представителей разных наций и вер. Частный, но красноречивый пример: в марте 1710 г. староста католической общины Петербурга, знаменитый архитектор Доменико Трезини крестил (естественно, по католическому обряду) своего сына Пьетро; при этом крестным отцом был православный государь Петр Алексеевич, а крестной матерью — протестантка, дочь вице-адмирала Крюйса.

Мотив открытия для иностранцев московского «затворенного царства» связывался в имперской идеологии петровского времени с мотивом учения у иностранцев, просвещения дикости, — вспомним любимый Петром эвфемизм для обозначения шведов: «учители». «С Петра Россия считает своей миссией насыщение своих безбрежных пространств и просвещение своих многочисленных народов не старой, московской, а западноевропейской цивилизацией, универсальной по своим тенденциям», — писал Георгий Федотов (Федотов 1992: 247). Под непросвещенностью, кстати, понималось не только невежество, незнание наук и искусств, но и, например, преувеличенная роль религиозного начала в государственной и общественной жизни, которая была характерна для московского периода русской истории. Империя Петра Великого становилась светским, секуляризованным государством.

Еще одна идеологема петровского времени может выглядеть с современной точки зрения необычайно привлекательной: декларировался принцип всеобщей обязательности закона. Часто цитируется фраза царя, дошедшая до нас в изложении Якоба Штелина: «Когда государь повинуетя закону, то да не дерзнёт никто противиться оному».

Согласно трактату «Правда воли монаршей», написанному Феофаном Прокоповичем по поручению Петра и являвшемуся фактически законом Российской империи, «должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе». Если московские цари выступали хозяевами, безраздельными владельцами своей страны со всеми ее землями и жителями, то в идеологии Петра монарх, подчиняясь закону, становился в некотором смысле слугой своих подданных: «[Я] за мое Отечество и люди, и живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть», — писал он своему сыну Алексею.

Сложившаяся в России традиция неисполнения законов и произвола распоряжающихся властью не устраивала Петра I; многие его указы были направлены на борьбу с этим злом. В течение всего петербургского периода русской истории в каждом присутственном месте должна была находиться небольшая деревянная призма, называвшаяся «зерцало», на гранях которой помещались тексты указов Петра Великого. Один из них начинался со слов:

«Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тшцатся всякия мины чинить под фортецию правды: того ради сим указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить...».

Такое отношение к закону может при поверхностном взгляде показаться чем-то близким к нынешним представлениям о справедливом государственном устройстве, о том, что сегодня называют «правовым государством». Конечно, нельзя сказать, что под «правами гражданскими» Петр понимал то же, что понимается сейчас. И, тем не менее, человеческое достоинство представляло для него ценность несравнимо большую, чем для его предшественников на российском престоле. Характерная запись из нартовских «Достопамятных повествований и речей Петра Великого»: «Его величество, отменяя старинные обряды, изъявляющие униженности человечества, в 1701 г., декабря 30 дня, запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полного имени Дмитрия Митькою или Ивашкою, чтоб не падать пред ним на колени и чтоб зимою, когда морозно, не снимать шляп и шапок с головы, проходя мимо того дворца, где обитает государь, говоря о сих обычаях так великодушно: “Какое различие между Бога и царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Коленопреклонное моление принадлежит Единому Творцу за те благодати, какими он нас наградил. К чему унижать звание, безобразить достоинство человеческое, а в жестокие морозы почесть делать дому моему бесплодную с обнаженную главою, вредить здоровье свое, которое милее и надобнее мне в каждом подданном паче всяких бесполезных поклонов?”».

Ко всему названному можно еще прибавить рационализм и прагматизм, характерные для идеологии петровского времени, ее просвещенческий характер, любовь к наукам и искусствам и т. д. и т. п.

После того, как обнаруживаешь все эти черты в имперском мировоззрении, так и тянет воскликнуть: «Да ведь это же все либеральные ценности! От империи до свободы — один шаг!». Неудивительно в этой связи, что по сей день многие видят в имперском прошлом материал для построения демократического будущего. Современный петербургский исследователь профессор Г.Л. Тульчинский, например, призывает апеллировать «к конструктивному содержанию имперской культуры» и видит в имперском наследии «основу новой демократии и открытого общества» (Тульчинский 2000*).

И вроде бы, остается лишь выявить упомянутое «конструктивное содержание» и понять, что нам нужно взять от имперской идеологии, а от чего отказаться. Здесь-то и начинается самое трудное...

«Калий цианистый, пищевой»?

Стержнем имперской идеологии является представление об исключительно важной роли монарха в жизни всей страны и каждого из его подданных по отдельности. То, что Россия стала называться Империей, было следствием возложения на Петра императорского титула, а не наоборот. Имперская идеология сродни религии, и место Бога в ней занимает монарх.

Петровская идеология в этом отношении особенно показательна. Многие исследователи (Лотман, Успенский, Живов, Погосян и др.) писали об обожествлении царя в петровское время. Выразительный пример: в речи, написанной вице-канцлером П.П. Шафировым и

---

* Та же мысль высказана проф. Тульчинским в его книге «Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности» (Тульчинский 2002).

произнесенной при вручении царю новых титулов канцлером Г.И. Головкиным, говорилось, что «неусыпными трудами» его величества «вернии подданные из тмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, *из небытия в бытие* произведены». Сакральный характер власти историк и этнограф Л.С. Гатагова называет первым из основных системных признаков государства имперского типа (Гатагова 1996: 338). Все прочие постулаты и принципы имперского мировоззрения вытекают из этой главной его идеи, и потому являются не абсолютными ценностями: они действительны в рамках имперского сознания лишь до тех пор, пока не ставят под угрозу главную и незыблемую ценность — самое ИМПЕРИЮ, живым воплощением которой является ИМПЕРАТОР.

Да, конечно, монарх для своих подданных и отец, и слуга, но далеко не для всех! Он отец и слуга лишь для тех, кто, как и он сам, беззаветно служит империи, отдает все, что у него есть, и всего себя на алтарь великодержавного Левиафана. «*Служи верою и правдою*, то в начале Бог, а при Нем и я тебя не оставим, тогда ты будешь иметь во мне отца», — эти слова Петра передает в своих «Записках» И.И. Неплюев. Имперское государство действительно предполагает некоторую правовую защищенность личности, но только при условии абсолютной лояльности этой личности по отношению к самому государству. А уверенность в этой лояльности может дать только абсолютный контроль, поэтому империя — это всегда полицейское государство. Петровский режим, кстати, отличался в этом отношении особой изощренностью, делая сексотами даже священников и принуждая их к нарушению тайны исповеди.

Имперское сознание категорически не приемлет и любые формы инакомыслия, и многие гражданские свободы, например, свободу слова. Чрезвычайно показателен в этом отношении указ Петра от 18 августа 1718 г., запрещавший под угрозой смертной казни (!) «писать запершись».

Власть монарха, согласно имперской идеологии, является благодатной для всех. Следовательно, необходимо, чтобы она распространялась на как можно большее число людей. Отсюда — имперский экспансионизм, родственный по своей природе той энергии, которая двигала христианских рыцарей в крестовые походы против неверных. И, конечно, имперское сознание благосклонно относится лишь к тем народам, которые мирно склоняют главу под защиту «дружеских штыков», а на тех, которые проявляют неуместную строптивость, всегда найдутся Суворов, Ермолов или Паскевич. Современный исследователь С.И. Каспэ приводит в качестве образца обоснования вселенской миссии римской империи строки из «Энеиды» Вергилия:

Ты же, о римлянин, помни — державно народами править;

В том твои будут искусства, вводить чтоб обычаи мира,

Милость покорным давать и войною обуздывать гордых (Каспэ 1997).

Абсолютно то же самое стремление «милость покорным давать и войною обуздывать гордых» определяло и политику Российской империи на протяжении всего периода ее существования.

Не стоит преувеличивать и имперскую веротерпимость. Так, во времена Петра I лояльность и уважение соблюдались лишь по отношению к тем конфессиям, в представителях которых царь видел необходимых для государства специалистов. Прочие же являли собой не более, чем удобный источник увеличения государственных доходов за счет дискриминационного законодательства. Облагались специальным налогом и обязывались носить определенную одежду с особым знаком старообрядцы (в том, конечно, случае, если они выражали несогласие лишь с церковными, а не с государственными установлениями; тех же, кто призывал к неповиновению «царю-антихристу», попросту казнили). Указом от 1713 г. помещики и вотчинники мусульманской веры в случае отказа принять крещение лишались

своего имущества, поступавшего, конечно, в казну. Нужно ли напоминать о положении евреев в течение всего петербургского периода русской истории?* Какая уж тут «имперская толерантность»!..

Столь же относителен и «европеизм» российской империи. В записи А.И. Остермана дошла до нас фраза Петра: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Впрочем, — даже если царь этого и не произносил, — примеров того, как самые просвещенные и европеизированные российские представители имперского сознания обрушивались на Европу, лишь только близость с ней создавала угрозу великодержавным интересам, — множество. Вспомним хотя бы стихотворение «Клеветникам России» «певца Империи и свободы» А.С. Пушкина.

Что касается уважения человеческого достоинства, декларированного упоминавшимся указом Петра о том, чтоб подданные не падали перед царем на колени и не снимали, проходя зимой возле дворца, шапок, то известны сотни примеров таких диких унижений, достававшихся в петровское время и дворянам, и всем без разбору, что среди них двухчасовое ожидание в масках отдыхающего царя выглядит приятной релаксацией. Чего стоило хотя бы принуждение всех гостей пить в огромных количествах водку во время царских пирушек; исключения не делалось ни для престарелых, хотя случались и смертельные исходы, ни для беременных женщин, хотя случались и выкидыши.

Все это показывает зыбкость, необязательность тех черт имперского сознания, которые мы можем воспринимать как положительные. Сколько бы мы ни пытались вычлени из него элементы полезные, перспективные для построения свободного гражданского общества, мы неизбежно будем приходить к тому, что сделать это невозможно. Имперское мировоззрение цельно, и нельзя из него извлечь ничего такого, что не потянуло бы за собой главного — этатизма, безоговорочного примата монарха — над всеми, а равно государства над личностью или над меньшинством. Любое имперское по своей сути политическое деяние, даже если его непосредственные цели полностью соответствуют либеральным ценностям, в конечном счете оборачивается их полной противоположностью.

Последний тезис проще всего проиллюстрировать на современных примерах. «Антитеррористическая операция» в Чечне призвана была великодержавными методами «сверху» восстановить в мятежной республике «конституционный порядок» и «демократическую законность», а на деле привела к утверждению в ней полного беззакония, явилась войной имперского центра против целого народа, представители которого формально считаются полноправными российскими гражданами. Или трагедии в театре на Дубровке и в бесланской школе: организаторы штурмов, главной целью которых официально провозглашалось спасение заложников, меньше всего думали об их судьбе; настоящей целью атак было вовсе не освобождение людей, а неперемное уничтожение террористов и спасение имперского престижа, пусть даже ценой смерти заложников. Нельзя не вспомнить чудовищную по степени начальственного цинизма и великодержавной дикости историю гибели атомохода «Курск», которая тоже подавалась официальной пропагандой как «операция по спасению моряков». Все (или почти все) многочисленные реформы последних десятилетий, начиная от приватизации промышленных предприятий и кончая введением единого государственного экзамена в школах, строились и строятся по принципу «имперской

---

* Справедливости ради заметим, что сам Петр, несмотря на то, что в «Достопамятных повествованиях» Нартова ему приписываются антисемитские высказывания, по-видимому, был к евреям вполне благосклонен. Один из особенно приближенных к нему людей, П.П. Шафиров, был крещеным евреем, а в письме к А.П. Веселовскому, который рекомендовал ему врача-иудея, соглашавшегося приехать в Россию лишь при условии сохранения своего вероисповедания, царь писал: «По мне будь крещен или обрезан — едино, лишь будь добрый человек и знай дело». Начало законодательного ограничения прав евреев относится ко времени Екатерины I.

либерализации», и поэтому среди их результатов мы находим очень мало по-настоящему либерального и очень много по-настоящему имперского.

Говорить о возможности использования обществом элементов имперского мировоззрения в качестве «кирпичиков» для построения либеральной государственности — все равно, что предлагать для восполнения недостатка калия в человеческом организме использовать цианистый калий — в надежде, что организм сумеет успешно извлечь из этого смертоносного сырья «благодотворные элементы».

«Если выпало в Империи родиться...»

Несмотря на то, что петербургское самосознание генетически восходит к петровской имперской идеологии, в нем содержатся элементы, которые имперской идее противостоят.

Будучи на протяжении двух веков средоточием имперского начала, Петербург породил и встречную тенденцию — противодействия имперскому государствоцентризму. Специфически петербургской темой русской литературы является знакомая всем со школьной скамьи «тема маленького человека», подмятого и раздавленного бездушной государственной машиной. В средних слоях петербургского общества развивалось неприятие санкционированных государством форм организации жизни, стремление выстроить ее по-своему. Отсюда, например, такая невероятная популярность достаточно плоских идей Чернышевского: мастерские Веры Павловны имели десятки подражаний в Петербурге, являвшихся для их участников глотками частной свободы в полицейски-удушающей атмосфере Империи.

Нельзя, однако, сказать, чтобы эти антиэтатистские тенденции возобладали в совокупном сознании петербуржцев. Имперское начало в нем оставалось (и остается до сих пор) незыблемым. С огромным энтузиазмом встретил весь Петербург вступление России в Первую мировую войну, и малочисленные голоса «пацифистов» были почти не слышны. Февральская революция, колыбелью которой стал Петроград, несмотря на выраженный антисамодержавный характер, прошла под лозунгом войны до победного конца («за Дарданеллы») и, кроме того, не смогла решить ни один из национально-территориальных вопросов — ни финляндский, ни украинский, ни польский, ни другие. Октябрьская революция, также приключившаяся на берегах Невы, — при всем ее мнимом исходном «интернационализме» и «плебейском демократизме» — на поверку знаменовала собой начало антилиберального имперского ренессанса — небывалого по временному и геополитическому размаху.

Советский режим возродил Империю в ее самом жестком — тоталитарном — варианте. Императора сменил генсек, на месте православия оказался марксизм-ленинизм, а идея этнографических маскарадов XVIII в. нашла новое яркое воплощение в праздничных демонстрациях трудящихся, обязательно несущих в колоннах флаги пятнадцати республик — пятнадцати сестер. И Петроград-Ленинград ничуть не более других городов выражал свое несогласие с возрождением великодержавия в советском варианте, если не считать событий Кронштадтского мятежа. То, что в Ленинграде партийные и государственные функционеры чаще, чем в других городах, попадали в мясорубку репрессий, не является свидетельством их «большой либеральности» или оппозиционности коммунистическому режиму. Вообще, какую-либо идейную оппозицию имперскому началу внутри страны в сталинское время можно было отыскать разве что в бараках Гулага.

Но в хрущевские и брежневские годы такая оппозиция явилась в виде диссидентского движения (которое, впрочем, само по себе было очень неоднородно, и далеко не все в нем представляло антиимперскую тенденцию). В Ленинграде, где кагебешный нажим был сильнее, чем где-либо, имперскому началу противостояло скорее не диссидентство, а

творческий андеграунд. Это была своеобразная стилистическая оппозиция советской империи, демонстрация нежелания говорить с ней на одном языке и вообще иметь с ней что-либо общее. Как сказано у Бродского: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря».

Можно ли попытаться основать современную демократическую идею Петербурга на апелляции к антиимперским тенденциям в городской культуре XIX – XX вв.? Можно. Но при этом следует иметь в виду, что идеология, основанная на отрицании другой идеологии, является ее «оборотной стороной» — «реверсом» и, по сути, не может существовать вне «аверса».

Таким образом, для преодоления имперской идеологии одного ее отрицания — недостаточно. Необходим позитивный идейный концепт.

Бюргерская альтернатива

Согласно распространенному мнению, империи, как типу государственного устройства, противоположен тип национального государства, однородного в этническом и конфессиональном отношении, идеология которого основывается на том или ином варианте национализма. При этом имперской полиэтничности, многокультурности, толерантности, открытости — противопоставляются моноэтничность, однокультурность, нетерпимость, замкнутость национального государства. По этому пути — с известными поправками на современные европейские реалии — двинулись прибалтийские государства. То, что такая идея Санкт-Петербургу вряд ли подходит, доказывать нет никакой нужды. Выходит, город — в силу самой своей «общевропейской природы» — обречен на «имперскость»?

Однако существует еще одна культурная модель, в равной степени противостоящая и имперской, и националистической. Исторически эта модель имеет очень глубокие корни как в Европе в целом, так, в частности, на прибалтийских землях и конкретно в устье Невы. Условно эту модель можно назвать «бюргерской», поскольку ее становление связано главным образом с городами средневековой Европы.

Основой и экономики, и вообще всей жизни средневекового европейского города была торговля. Каждый такой город имел обширные внешние связи, в нем постоянно жило большое количество иноземцев, поддерживать с которыми тесные и дружественные отношения было в интересах самих горожан. Толерантность, плюрализм являлись ключевыми особенностями этой культуры.

Торговля стимулировала развитие правовой сферы: судопроизводства, института собственности, местного самоуправления. Как справедливо замечает Ричард Пайпс: «О хартиях, добытых средневековыми городами у властителей земель, где они находились, можно сказать, что они заложили основу современных гражданских прав. Самых больших успехов в этом отношении города добились в странах, где не было национальных монархий, — в Италии, в Нидерландах и в Германии» (Пайпс 2000: 147).

По мнению многих западных, а также российских историков, несмотря на то, что европейские города-государства, за очень немногими исключениями, давно уже влились в состав значительно более крупных образований, «бюргерская» политическая культура в них не исчезла, и именно она является фундаментом государственных систем большинства западноевропейских стран. Не случайно для типологической характеристики современного западного общества используется слово, родственное слову «город», — «гражданское общество». Прототипом Европейского Союза, как объединения равноправных, суверенных и самоуправляющихся субъектов, является, конечно, не централизованная Римская империя, а Ганза и другие средневековые городские союзы.

Русская общенациональная монархия сформировалась в процессе так называемого «собирания русских земель», а попросту — завоевывания их Москвой. До этого невские земли принадлежали Великому Новгороду — городу-государству, по своему социально-политическому устройству относившемуся к «бюргерскому» типу. В культуре Новгорода мы найдем и полиэтничность, и национально-религиозную терпимость, и высокоразвитое правосознание, и почти поголовную грамотность, и процветающее городское хозяйство, и самое, может быть, главное для нас — абсолютное неприятие имперского диктата, способность к самоорганизации, отстаиванию своих прав и самостоятельному решению вопроса о том, как жить.

Захват Великого Новгорода Иваном III, уничтожение городской элиты и разорение экономики города и региона в целом — особенно страшное в эпоху Ивана Грозного и последних Рюриковичей, — все это привело к тому, что полноценный торговый город, который, по мнению петербургского археолога П.Е. Сорокина, имел все шансы сформироваться на берегах Невы уже к концу XVI в. (Сорокин 2001), — в итоге так и не возник.

Впрочем, постепенная деградация «бюргерской культуры» на северо-востоке Европы, вызванная падением Великого Новгорода, волею судеб оказалась прервана почти на столетие. После того, как часть бывших новгородских земель отошла к Швеции, европейская городская культура на них вновь возродилась. Город Ниен (в новгородско-московские времена — поселение Невское Устье), стоявший при впадении Охты в Неву возле крепости Ниеншанц, был типичным североевропейским торговым самоуправляющимся городом, цепь которых, начиная от Копенгагена и кончая Выборгом, тянулась по берегам и островам Балтики.

Захват Петром приневских земель был ознаменован строительством в устье Невы новой крепости и нового города — одновременно с этим уничтожались все следы старых построек. Город Ниен был сожжен самими шведами еще при приближении русских. Ниеншанц был взят петровскими войсками 1 мая 1703 г. Валы и здания внутри крепости были повреждены артиллерией при штурме, а затем целенаправленно разрушались. Их материалы использовались при строительстве Петропавловской крепости и первых домов Санкт-Петербурга. Наконец, вскоре после Полтавской победы, когда стало ясно, что Нева уже точно остается в руках русских, состоялся, по словам историка Г. Приамурского, «акт символического уничтожения покоренной шесть лет назад крепости» (Приамурский 1998: 45): были взорваны остатки валов Ниеншанца; эту операцию описал в своем дневнике тогдашний датский посланник в России Юст Юль. Подобно древнему Карфагену, Ниеншанц был разрушен полностью (хотя руины его продолжали быть различимы еще спустя столетие).

Уничтожение Ниеншанца не столько обозначало победу над Швецией, сколько задавало психологическую установку на то, что у Санкт-Петербурга не было исторического предшественника (хотя в действительности он был!), что российская столица сотворена царем-первостроителем на пустом месте, ex nihilo — из ничего. И эта установка сработала: в сознании горожан намертво утвердился миф о том, что Петербург возник «из тьмы лесов, из топи блат». Миф этот был связан со всей имперской мифологией (в частности с образом царя-демиурга, творца всего имперского универсума) и был частью того, говоря современным словом, месседжа, который этот город, как столица Империи, возглашал всему миру.

Расставаясь с имперской идеологией, Петербург должен преодолеть инерцию своей образцово-имперской функции, перестать рассматривать себя в качестве столицы великой державы и вспомнить о своих подлинных корнях, о той культуре, которая господствовала здесь в доимперское время. Миф о городе без прошлого должен быть развеян. Только такая терапия исторической правдой даст возможность петербуржцам сокрушить Империю в самих

себе и из архаических «подданных Его Величества» превратиться в современных свободных граждан.

Как это ни покажется, быть может, «педагогически наивным», но решение именно этой — чисто мировоззренческой задачи — станет началом полноценного возвращения Санкт-Петербурга в Европу. Все остальные реформы и изменения будут лишь следствием антиимперской, бюргерской «коррекции ментальности».

Литература

Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996.

Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. III. Таллинн: Александра, 1993.

Пайпс Р. Свобода и собственность. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Приамурский Г. Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // Шведы на берегах Невы. Стокгольм: Шведский институт, 1998.

Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб.: Литера, 2001.

Тульчинский Г.Л. Санкт-Петербург: корпоративная культура региона (Имперское после империи — перспектива открытого общества: парадокс Санкт-Петербурга). Доклад в дискуссионном клубе «Запад-Запад» 21 апреля 2000 г. // www.west-west.da.ru

Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.

Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т.2. СПб.: София, 1992.